

В.Л. Степанов

*д.и.н., ведущий научный сотрудник, Институт экономики РАН
(Москва)*

ПРЕМЬЕР-МИНИСТР В.С. ПАВЛОВ И ДЕНЕЖНАЯ РЕФОРМА 1991 г.: ОЦЕНКИ И СУЖДЕНИЯ

Аннотация. В статье дан обзор мемуарных источников и научной литературы, в которых приводятся мнения о денежной реформе 1991 г. и сопутствующих ей мероприятиях, предпринятых премьер-министром СССР В.С. Павловым. Отмечен значительный разброс оценок и суждений: одни авторы считали его типичным представителем высшей номенклатуры, тщетно пытавшимся спасти обречённый советский строй и распадающийся СССР, не понимавшим неизбежности перехода к рыночным отношениям, инициатором поспешных и непродуманных реформ в денежном обращении и ценообразовании, которые полностью провалились и лишь нанесли вред народному хозяйству; другие признавали В.С. Павлова видным учёным-экономистом и выдающимся государственным деятелем, выступавшим за эволюционное движение к рынку и утверждение государственно-частной экономики, противопоставляли премьер-министра сторонникам «шоковой терапии» и даже считали его курс последним шансом спасения страны от кризиса и развала. Вместе с тем обращено внимание на совпадение точек зрения мемуаристов и исследователей в том, что обмен крупных банкнот весной 1991 г. был организован неудовлетворительно и поколебал доверие населения к правительству, а последовавшее за ним резкое взвинчивание цен не привело к исчезновению диспропорции между массой бумажных денег и товарным предложением. Особо подчёркнуто, что обе меры в условиях падения производства, роста инфляции, пустых магазинных полок и усиления центробежных сил в Советском Союзе были запоздавшими паллиативами, которые уже не могли изменить ситуацию к лучшему. Сделан вывод о том, что, тем не менее, более глубокий анализ малоизученных в научной литературе теоретического наследия, антикризисной программы и разносторонней деятельности В.С. Павлова на постах министра финансов и главы правительства по-прежнему остаётся актуальным, поскольку позволяет пересмотреть крайние точки зрения, ответить на вопрос о возможности альтернативы радикальным экономическим реформам 1990-х гг. и воссоздать более полную картину последних лет существования СССР.

Ключевые слова: *экономическая история СССР, кризис, финансы, эмиссия, инфляция, денежная реформа, ценообразование.*

JEL: G28, N24, P21, P34.

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2022_4_164_176.

Премьер-министру СССР В.С. Павлову, назначенному на этот пост 14 января 1991 г., пришлось действовать в условиях финансово-экономического кризиса, который выражался в снижении выпуска промышленной продукции, огромном дефиците бюджета, увеличении государственной задолженности, инфляции и расстройстве денежного обращения. При этом рост доходов и сбережений населения сочетался с острой нехваткой основных потребительских товаров, что привело к переполнению страны избыточными деньгами. Ещё в бытность председателем Государственного комитета ценообразования (1986–1989 гг.) и министром финансов (1989–1991 гг.) В.С. Павлов подготовил свою антикризисную программу, которую пытался затем воплотить в жизнь. С января 1991 г. были более чем на 50%

повышены оптовые цены в промышленности и одновременно введён 5%-й налог с товарооборота. Особое значение премьер-министр придавал проблемам денежного обращения. Он настоятельно предлагал сократить количество банкнот в обороте и тем самым минимизировать диспропорцию между накопленными средствами населения и недостаточной товарной массой («денежный навес»), нанести удар теневому бизнесу и защитить советский рубль от происков международного капитала. По его утверждению, коррумпированные чиновники и хозяйственные работники активно скупали валюту на незаконно присвоенные суммы через Внешэкономбанк, в связи с чем за границей оказалась масса крупных дензнаков на сумму около 100 млрд руб., которые нужно аннулировать. В середине февраля в интервью газете «Труд» премьер даже заявил о заговоре западных банкиров, направленном на дезорганизацию денежного обращения в СССР [*Интервью*, 1991].

По инициативе В.С. Павлова президент СССР М.С. Горбачев 22 января 1991 г. подписал указ об изъятии из обращения и обмене 50- и 100-рублёвых банкнот образца 1961 г. на более мелкие банкноты образца того же 1961 г., а также банкноты 50 и 100 рублей образца 1991 г. Обмен должен был производиться в сжатые сроки — с 23 по 25 января и в размере не более 1 000 руб. на человека, а возможность обмена остальных банкнот следовало рассмотреть в специальных комиссиях до конца марта текущего года. Одновременно ограничивалась сумма наличных денег, доступных для снятия в Сбербанке — 500 рублей в месяц на одного вкладчика [*Ведомости*, 1991. № 5. Ст. 117]. Однако фактически из-за нескольких переносов сроков обмен начался только 2 марта. Логическим продолжением январской реформы стал указ 19 марта 1991 г. о повышении со 2 апреля государственных розничных цен на основные товары, а также тарифов на услуги транспорта и связи [*Ведомости*, 1991. № 13. Ст. 367]. В тот же день вышло постановление Кабинета министров, в котором провозглашались курс на постепенную либерализацию цен и намерения правительства в связи с этим обеспечить возмещение дополнительных расходов граждан — повысить заработную плату, пенсии, пособия и стипендии [*Собрание*, 1991. № 8. Ст. 34]. Кроме того, 22 марта 1991 г. последовал новый указ о компенсации населению потерь, вызванных возрастанием цен, в частности, об увеличении на 40% денежных средств во вкладах и ценных бумагах Сбербанка, причём суммы свыше 200 руб. замораживались на три года [*Ведомости*, 1991. № 13. Ст. 391].

Денежная реформа и последующие шаги правительства В.С. Павлова вызвали сильное недовольство населения и резкую критику со стороны широкой общественности. Однако сам премьер-министр остался доволен результатами своей политики. В изданных спустя несколько лет воспоминаниях он писал, что «в сложнейших условиях противоборства с радикалами» он «сделал дело по высокому разряду» и «таким итогом можно гордиться». По его словам, проведение обмена денег «катастрофически извратили», представив «фискальной, конфискационной, спонтанной мерой», а его самого без каких-либо оснований объявили «безжалостным грабителем пенсионеров». В.С. Павлов резко дистанцировался от сторонников «шоковой терапии» типа Е.Т. Гайдара, «буквально разорившего нашу экономику». По его словам, акт 22 января 1991 г. был лишь первым шагом в реализации целой программы экономических преобразований, имел целью стабилизировать денежное обращение, «усмирить» чёрный рынок и повысить покупательную способность рубля. Он утверждал, что в ходе обмена удалось изъять 34 млрд руб., т.е. треть всей денежной массы. Эта реформа и последовавшее за ней повышение розничных цен спасли потребительский рынок и прекратили обвал экономики, причём жизненный уровень населения практически не снизился. Целью обеих взаимосвязанных акций были постепенная либерализация цен и изменение стоимостной структуры производства. Тем самым правительство жёстко централизованными методами открывало путь рыночным отношениям. Провал своих замыслов В.С. Павлов объяснял отсутствием у Кабинета министров необходимого объёма полномочий, уклончивой позицией президента и противодействием «радикалов», которые, в конечном счёте, сумели взять верх [*Павлов*, 1995. С. 240–248; *Павлов*, 2005. С. 229–239].

Однако некоторые видные государственные деятели, непосредственно причастные к событиям тех лет, иначе оценивали действия премьер-министра. М.С. Горбачев вспоминал, что при назначении В.С. Павлова прежде всего принималась во внимание его репутация профессионального финансиста, но высказывались и сомнения, поскольку тот ничем не проявил себя как политический деятель, был недостаточно самостоятельным, слишком подверженным текущей конъюнктуре, склонным к необдуманным действиям и высказываниям. По свидетельству экс-президента СССР, на первых порах он поддерживал и брал под защиту главу кабинета, но вскоре стал сомневаться в его компетентности, поскольку тот «действовал импульсивно, как бы вразброс, бессистемно». Обмен банкнот М.С. Горбачев назвал «бесплодной, но хлёткой операцией», а реформа ценообразования «разрабатывалась и осуществлялась как бы вне общего контекста экономических преобразований». В итоге он пришёл к выводу, что «ни по кругозору, ни по глубине понимания вопросов, ни даже по профессиональным качествам Павлов не подходил для этой роли, особенно в сложной и противоречивой обстановке, которая складывалась в 1991 г.» [Горбачев, 1995. С. 587, 589, 591].

Н.И. Рыжков, возглавлявший правительство в 1985 — начале января 1991 г., писал о премьер-министре в мемуарах: «Как финансист, он неплохо разбирался в своём деле, но промышленности, производства не знал совсем, не смог бы вести диалог с производителями». Как утверждал автор, в той сложной экономической ситуации следовало проводить политику «максимально взвешенно», а вместо этого был проведён «скоропалительный и крайне сомнительный по своим результатам обмен денежных купюр». По свидетельству Н.И. Рыжкова, вопрос о денежной реформе был поставлен Министерством финансов ещё летом 1990 г., однако он без какого-либо энтузиазма отнёсся к этому замыслу, так как предвидел, что его реализация в крайне накалённой политической атмосфере вызовет в стране негативную реакцию, и действительно, эта «никому не нужная финансовая операция» осуществлялась «с криком и шумом». Обесценение вкладов и их замораживание, несмотря на 40%-ную компенсацию, далеко не покрывшую все потери населения, пошатнули стабильность сберегательной системы и подорвали веру людей в государство [Рыжков, 1995. С. 17, 314–316].

Министр финансов РФ в 1993–1994 гг. Б.Г. Федоров заявлял в воспоминаниях, что В.С. Павлов и его «соратник», председатель правления Госбанка СССР В.В. Геращенко, «предприняли редкую по степени идиотизма попытку решить проблемы экономики путём изъятия из обращения крупных купюр в 50 и 100 рублей», причём «паники было много, а результатов — никаких». Вопреки утверждениям премьера о намерении «наказать» спекулянтов и предотвратить заговор западных капиталистов, «на самом деле это было традиционное решение всех проблем за счёт других — в данном случае — за счёт собственного народа» [Федоров, 1999. С. 116–117]. Спустя несколько лет в другой книге Б.Г. Федоров высказался о самом В.С. Павлове в положительных тонах. По его словам, бывший премьер представлял собой человека с сильным характером, отличался энергией, уверенностью в себе, склонностью к анализу и научной работе, прошёл большую бюрократическую школу и был знаком со многими отраслями экономики, являясь «одним из самых компетентных и решительных финансистов и государственных деятелей позднего советского периода». Вместе с тем автор считал, что В.С. Павлов обладал «чрезмерным самомнением» и «переоценивал свой профессионализм», «его главная проблема и трагедия состояла в том, что он не понимал принципов работы рыночной экономики и пытался спасти обречённый советский строй». С точки зрения Б.Г. Федорова, реформа 1991 г. была по своей сути умеренно конфискационной (изъято менее 15% банкнот) и её влияние на состояние народного хозяйства оказалось ничтожным. Правительство не учло масштабов действующего безличного оборота, поэтому обмен затронул относительно меньшую часть денежного обращения. Кроме того, в стране появились зачатки рыночных отношений, и прежние методы стали уже непригодны. В итоге вместо начала глубоких экономических преобразований получилась лишь бледная копия сталинской реформы 1947 г. [Федоров, 2004. С. 377–382].

Напротив, весьма комплиментарную характеристику В.С. Павлову дали члены его правительственной команды и ряд лиц, лично знакомых с ним. В.В. Геращенко назвал его разносторонне образованным экономистом и знатоком проблем народного хозяйства страны, одним из «наиболее сильных» министров финансов за последние десятилетия существования СССР. По свидетельству главы Госбанка, В.С. Павлов конфликтовал с радикальными экономистами, соглашаясь с ними относительно целей предстоящих реформ, но категорически возражая против методов «шоковой терапии». Он вполне закономерно занял пост премьера, так как М.С. Горбачев понимал, что ему будет сложно найти более компетентного и работоспособного человека. Президент явно рассчитывал использовать знания и опыт В.С. Павлова, а затем заменить его более покладистым исполнителем. «Оттянуть развал государства, — писал В.В. Геращенко, — позволило и то, что в эти трудные последние годы существования СССР именно Валентин Павлов находился на столь высоких постах. Для страны это было большой удачей» [Геращенко, 2004. С. 66–69].

По утверждению заместителя премьер-министра В.И. Щербакова, «90% информации о Павлове, распространяемой до сих пор, это политически конъюнктурная прямая ложь и клевета». Либералы повесили на него ярлык «антинародного премьера-алкоголика», который провёл конфискационную денежную реформу, заморозил вклады населения и совершил многие другие вредные деяния. Между тем, как вспоминал автор, В.С. Павлов был высочайшим профессионалом, прекрасно разбирался в финансовых вопросах и «всей кожей чувствовал экономику». В.И. Щербаков отрицал устоявшееся мнение о конфискационном характере, «ошибочности» и «глупости» обмена денег, поскольку средства вкладчиков никак не были затронуты. По его словам, в результате этой операции «правительство получило некоторые новые знания механизма и каналов движения денег и их географического распределения, яснее стали точки развития коррупции». Панику среди населения он объяснял действиями оппозиции и либеральной прессы, которые создали искусственный ажиотаж вокруг денежной реформы с целью опорочить замысел правительства. Вместе с тем автор признал непродуманность самой организации обмена, через который не прошёл всего 1 млрд руб. из находящихся в обращении около 250 млрд руб. Поэтому с точки зрения оздоровления экономики данная операция не принесла ощутимых выгод, а в политическом отношении подорвала авторитет Кабинета министров и лично самого премьера. Повышение розничных цен в апреле 1991 г. В.И. Щербаков, вслед за В.С. Павловым, оценил как подготовку к их либерализации, указав на социальное значение этой меры для «перемасштабирования» денежных доходов населения [Щербаков, 2016. С. 185, 192, 194–198, 201–204].

Последний министр финансов СССР В.А. Раевский отметил в мемуарах исключительную коммуникабельность и высокую эрудицию В.С. Павлова как экономиста. Он привёл свои данные о результатах инициированной премьером реформы: к обмену не были предъявлены 12 млрд руб. — более 12% находившихся в обращении банкнот (96 млрд руб.) и тем самым отсечён «черный нал», т.е. деньги, незаконно вывезенные из страны членами и накопленные их зарубежными контрагентами. С экономической точки зрения эта мера имела смысл, однако в обстановке острой политической борьбы оппоненты воспользовались просчётами в организации обменной операции и прямым саботажем местных властей, создававшими препятствия для её проведения. Как отмечал В.А. Раевский, противостоящие центру силы постарались «подбросить ещё полешек, чтобы полыхало больше» и дискредитировать политику правительства. Он положительно оценил действия В.С. Павлова по сбалансированию цен и товарной массы, а также сопутствующие меры по компенсации расходов и социальной поддержке населения, включая индексацию вкладов. Вместе с тем автор констатировал, что полноценного упорядочения цен в преддверии их либерализации достичь не удалось, поскольку существующий денежный «навес» было невозможно ликвидировать в условиях нехватки товаров, ослабления контроля над торговлей и ограниченности возможностей импорта [Раевский, 2013. С. 272–281].

Главный редактор журнала «Плановое хозяйство» в 1970–1977 гг., экономист В.С. Глаголев писал, что «в постсоветской литературе незначительное внимание уделяется “павловским реформам”, допускается искажение, а порой и ложное изображение их замысла и сути». Между тем, по его мнению, В.С. Павлов был одним из «молодых косыгинских реформаторов», а в годы перестройки «принадлежал к немногочисленной группе тех государственных руководителей, кто выделялся оригинальностью самостоятельного мышления, собственным видением финансово-экономических проблем, стоящих перед страной». Как учёный-аналитик и практик-финансист, он ратовал за многоукладную и социально ориентированную экономику, рассматривая частную собственность как дополнение государственной, причём импульс рыночным преобразованиям должны были дать перемены в финансовой сфере. Обмен крупных купюр был лишь «малой частью» давно задуманной премьером денежной реформы. Ссылаясь на высказывания самого В.С. Павлова, автор писал, что целью подобной меры были предотвращение кризиса сбыта и промышленного спада, стабилизация денежного обращения, усмирение «чёрного рынка», повышение покупательной способности рубля и создание условий для повышения розничных цен, состоявшегося в начале апреля 1991 г. С помощью этих двух акций правительство рассчитывало «цивилизованным путём» и «централизованными методами» приступить к системным рыночным преобразованиям. Однако в результате развала единой советской финансовой системы, вызванного ослаблением центральной власти и раскольнической позицией руководства РСФСР, а также некоторых других республик, реализация антикризисной программы премьер-министра оказалась сорванной. «Павловские реформы, — полагал автор, — могли стать последним шансом спасения Советского Союза от развала, но они задохнулись в чаду и угаре политического предательства» [Глаголев, 2005. С. 60–62; Глаголев, 2017. С. 87–93].

Известный экономист и мэр Москвы в 1991–1992 гг. Г.Х. Попов утверждал, что премьер-министр обладал всеми качествами лидера, был увлечён наукой и проникнут «духом реформаторства», умел разбираться в людях и адекватно оценивать кадры, демонстрировал высокий профессионализм как «своеобразный сплав и теории, и опыта», не проявлял интереса к идеологии, ничем не напоминал партийного аппаратчика, был по натуре технократом, «державником», а смысл своей деятельности видел исключительно в сохранении и усилении мощи СССР. По словам автора, причиной выдвижения В.С. Павлова в высшие эшелоны власти с началом перестройки было наличие у него к тому времени целого «арсенала идей» по реорганизации всего хозяйственного механизма страны на основе сочетания плана и рынка. Однако трагедия премьера как политика заключалась в том, что он возглавил Кабинет министров в момент, когда у него уже не было возможности для реализации своей программы. В.С. Павлов не мог примкнуть к «демократам» и сторонникам «шоковой терапии», поэтому ему пришлось присоединиться к членам ГКЧП, которые выступали против радикальных реформ и распада государства [Попов, 2005. С. 139–144].

Другой видный экономист Ю.В. Якутин в предисловии к переизданию воспоминаний В.С. Павлова писал, что «под тяжёлой завесой лжи, ярлыков, а то и прямой клеветы и оговоров по-прежнему скрыты его неординарные взгляды на будущее нашего Отечества, его далеко не заурядные личные качества патриота, учёного, государственного деятеля». Он указал на целый ряд достоинств бывшего премьера: аналитический подход к работе, умение сочетать государственную бюджетную дисциплину и здравый смысл в решении экономических проблем, находить неординарные решения, использовать всю совокупность имеющихся финансовых рычагов и инструментов. Автор назвал В.С. Павлова «катализатором творческого поиска в экономике», отметил его весомый вклад в науку и хозяйственную практику, ценность выдвинутых им идей и разработок в области ценообразования, кредита, формирования финансового рынка, социальной защиты населения и т.п. По утверждению Ю.В. Якутина, он признавал преимущества государственной системы

управления и её возможностей для концентрации имеющихся ресурсов, однако понимал бесперспективность административно-командного механизма и выступал за эволюционный переход экономики на саморегулируемую рыночную основу [Якутин, 2005. С. 7–46].

В научной литературе политика В.Г. Павлова в основном оценивалась критически. Ю.П. Бокарев назвал мероприятия премьер-министра «довольно решительными, но малоэффективными». Автор указал, что сокращение массы банкнот создавало определённые возможности для стабилизации денежного обращения, однако этот «последний для рубля шанс на выздоровление» был сорван последующими действиями правительства. Повышение розничных цен привело к резкому сокращению покупательной способности населения, а для выплаты компенсаций вкладчикам Сбербанка был вновь запущен печатный станок, который уже больше никогда не останавливался. Дополнительной эмиссии способствовали также начавшийся распад СССР и отказ бывших республик перечислять средства в союзный бюджет. Тем самым начавшееся ещё до перестройки увеличение массы банкнот переросло в гиперинфляцию [Бокарев, 1994. С. 279–283; Бокарев, 2011. С. 413–414].

По подсчётам А.Н. Илларионова, на самом деле объём наличных денег уменьшился всего на 6.1 млрд руб., т.е. на 7.8%. В сочетании с повышением цен это позволило сократить «денежный навес» на 32.7%. В целом осуществление пакета реформ премьер-министра имело ограниченные и весьма краткосрочные макроэкономические последствия. Изъяв лишь часть крупных банкнот и не решившись на полномасштабную либерализацию цен, правительство лишь незначительно ослабило давление инфляции, замедлило темпы её роста и несколько затормозило падение номинального валютного курса. «Вместе с тем, — подчёркивал А.Н. Илларионов, — стабилизационная политика В.С. Павлова носила откровенно антидемократический характер и потому не нашла сколько-нибудь заметной поддержки в обществе. Денежная реформа нанесла серьёзный удар по доверию к рублю, к союзному правительству и непосредственно к премьеру, подорвав тем самым возможность успеха стабилизационной программы в среднесрочной перспективе» [Илларионов, 1995. С. 6, 7].

Как полагал В.А. Мау, учреждение кабинета В.С. Павлова стало следствием перегруппировки сил в высших эшелонах власти СССР и усиления позиций деятелей, известных своими консервативными экономико-политическими взглядами. Они предприняли попытку «навести порядок» в стране и осуществить ряд стабилизационных мероприятий. Действия премьер-министра свидетельствовали о сильном влиянии ВПК, склонного к силовым методам решения хозяйственных проблем и в наибольшей степени заинтересованного в укреплении госсобственности в противовес альтернативной экономике. Суть политики В.С. Павлова заключалась в сосредоточении в руках государства финансовых и материальных ресурсов, чтобы, используя традиционные для советской системы инструменты, обеспечить преодоление кризиса и технологический прорыв в ведущих отраслях народного хозяйства. Однако курс на консервативную стабилизацию не привёл к каким-либо ощутимым результатам. В частности, предпринятые премьер-министром обмен денег и повышение цен лишь ненадолго сократили «денежный навес» и не привели к урегулированию ситуации на потребительском рынке. Следствием этих мер стали накачивание экономики бумажными деньгами в результате выплаты компенсаций и существенное расширение компетенции регионов в проведении ценовой политики [Мау, 1995. С. 33–37].

Ф. Хэнсон изложил свой взгляд на денежную реформу и другие инициативы В.С. Павлова, за которые, как он отметил, премьер-министра высмеивали видные московские интеллектуалы и большинство западных комментаторов. По мнению американского исследователя, эти меры в тех экономических условиях не были такими «глупыми», как их представляли. Изъятие банкнот крупного достоинства (основного инструмента чёрного рынка) и замораживание активов в Сбербанке, повышение розничных цен и предусмотренные компенсационные выплаты не являлись благотворными для развития рыночных

отношений, но имели смысл в качестве краткосрочного средства для смягчения инфляционного давления. Однако позитивное значение политики В.С. Павлова было подорвано несколькими обстоятельствами. Отказ республик сотрудничать с центром и усиление местных властных элит сопровождалось непредусмотренным ростом цен, а у союзного правительства не было возможностей для их мониторинга и регулирования. Кроме того, повышение оптовых цен в январе 1991 г., на три месяца раньше розничных, вынудило правительство выделить в промежуточный период значительные субсидии для смягчения этого «перекося» и тем самым ослабить бюджет [Hanson, 2003. P. 232–234].

По словам В.Д. Белоусова, премьер-министр, стремясь преодолеть экономический кризис и остановить распад Советского Союза, вообще не ставил вопросы о приватизации и либерализации. Он обвинил ряд банков западных стран в стремлении дестабилизировать обстановку в СССР, что привело к сокращению и без того незначительной торговой и инвестиционной активности иностранного капитала. Обмен крупных банкнот и замораживание вкладов не только нанесли ущерб населению, но и лишили казну части прибылей из-за неоднократного пересмотра даты начала операции, т.к. после каждого переноса денежный доход государства неизменно снижался. В.Д. Белоусов, как и некоторые другие авторы, признал определённое значение «павловской» реформы для сокращения денежной массы, однако подчеркнул, что и эти довольно скромные позитивные последствия были сведены к нулю повышением розничных цен, которое, по замыслу правительства, должно было как раз закрепить обмен крупных банкнот. В итоге размеры выплачиваемой компенсации вкладчикам безнадежно отставали от роста цен, а непрерывный выпуск необеспеченных бумажных денег способствовал ещё большему увеличению «денежного навеса» [Белоусов, 2009. С. 209, 210; Белоусов, Бирюков, Каширин, Нестеров, 2014. С. 210, 211].

Ю.Н. Гойденко и Г.В. Ксенофонтова считали «павловский» обмен банкнот «одной из самых одиозных» реформ и «одной из самых неудачных попыток восстановления шатких позиций денежного обращения», которая привела к значительным финансовым потерям рядовых граждан и сделала их вклады в банках менее защищёнными. Не менее провальным было также повышение розничных цен, приблизившее население к границе покупательной способности. С помощью этих непопулярных мер правительство не сумело решить поставленные задачи. Сокращение денежной массы было дезавуировано дальнейшим ростом инфляции, вызванным, в том числе, и выплатой значительных денежных компенсаций вкладчикам с целью восстановления платёжеспособного спроса. Ценовая реформа не изменила положения дел на потребительском рынке, и угрожающий рост дефицита товаров первой необходимости по-прежнему сохранялся. Мощным дестабилизирующим фактором стали также стремление советских республик к независимости и утрата единого бюджетного пространства [Гойденко, Ксенофонтова, 2010. С. 232–235].

Г.И. Ханин навал В.С. Павлова интеллектуалом, высокопрофессиональным учёным-экономистом и опытным практиком, имевшим собственную концепцию экономической политики и обладавшим волевыми качествами, необходимыми государственному деятелю в кризисной ситуации. Премьер-министр резко выступал против радикальных либеральных экспериментов в народном хозяйстве и расчленения страны. Вместе с тем автор отверг мнение о ретроградном характере мероприятий В.С. Павлова, более того, подчеркнул, что тот решительно проводил демонтаж командной экономики и эволюционным путём пытался продвигать страну к рыночным отношениям, высказываясь за приватизацию средств производства, но при сохранении сильной регулирующей роли государства. Сущность реформы директивных оптовых и розничных цен заключалась в их частичной либерализации, а обмен крупных банкнот диктовался стремлением премьер-министра дать твёрдый отпор и отечественному теневому капиталу, и западным деловым кругам. Однако возможности В.С. Павлова для осуществления самостоятельного курса были крайне ограничены экономическим кризисом, ролью Кабинета министров как придатка президент-

ской власти и отсутствием необходимой поддержки со стороны первого лица государства, ослаблением в тот период прерогатив центральных учреждений СССР в пользу союзных республик и регионов. Вместе с тем Г.И. Ханин упрекнул премьер-министра за то, что, осуждая разрушительные для народного хозяйства действия М.С. Горбачева и его ближайшего окружения, он, как «обычный советский чиновник», не решился порвать с ними и уйти в отставку, поэтому с него нельзя снять ответственность за развал финансовой системы страны [Ханин, 2010. С. 331–338].

А.А. Яник именовал В.С. Павлова «прагматиком и опытным бюрократором», стремившимся действовать «решительно и быстро». Он отметил, что одной из основных причин денежной реформы в условиях нехватки у СССР международных резервов стало решение задач регулирования рынка валюты, её экономия и пресечение сложившихся механизмов вывода этих средств за рубеж. С точки зрения автора, меры премьер-министра «могли бы способствовать макроэкономической стабилизации, но они оказались безрезультатны, поскольку исходили из совсем другой логики и решали исключительно фискальные задачи». Повышение цен в сочетании с увеличением выплат населению привели к очередному всплеску инфляции и росту эмиссии при сокращении физического объёма товарооборота. Тем не менее в 1991 г. возрастание номинальных доходов населения обогнало взвинчивание цен на товары и услуги, значительно превосходило потребительские расходы, обязательные платежи и добровольные взносы, оставаясь на руках у граждан в виде дополнительных вкладов в Сбербанке. По словам А.А. Яника, стремительный рост вынужденных сбережений свидетельствовал о том, что в экономике позднего СССР деньги играли «фиктивную» роль [Яник, 2012. С. 296, 299, 303, 304].

Как полагал Р.Г. Кирсанов, сама организация обмена денег страдала серьёзными недостатками. Среди населения началась паника, людям приходилось бросать работу и штурмовать сберкассы, что вызвало крупные потери на производстве. Между тем дельцы «теневой» экономики не пострадали — они успели или разместить свои сбережения в сберкассах, или разбить их на мелкие суммы и успешно обменять на новые деньги. Замораживание вкладов физических лиц породило бурную негативную реакцию, однако, по мнению автора, в отличие от обменной операции, эта мера была более эффективной для нормализации денежного обращения, поскольку отсекала большую часть ничем не обеспеченных банкнот и тем самым сокращала платёжеспособный спрос населения. Р.Г. Кирсанов пришёл к выводу, что «павловская» реформа не смогла существенно улучшить ситуацию в экономике, поскольку падение производства, рост дефицита государственного бюджета, повышение цен и ослабление рубля оказывали негативное влияние на состояние финансов и денежного обращения. Эти процессы побуждали республики к введению национальных валют, вели к разрыву хозяйственных связей на общесоюзном рынке и в конечном итоге к фактическому развалу экономики [Кирсанов, 2013. С. 141, 142].

Известный историк и публицист Р.А. Медведев подчеркнул, что при реализации антикризисной политики у правительства хватило решимости только на проведение «неожиданной» и «малопонятной» денежной реформы, которая привела к всеобщему недовольству. Особенно огромный ущерб понесли миллионы граждан, не доверявшие сберкассам и хранившие у себя дома значительные средства в крупных банкнотах. Последовавшее затем повышение цен в условиях острого дефицита не остановило ажиотажного спроса на товары широкого потребления, поскольку государственные цены всё равно оставались значительно ниже спекулятивных. Кроме того, к весне 1991 г. существенно возросли все виды зарплат и пенсий, поэтому у населения скопилось немало «лишних» денег, которые все хотели не хранить, а расходовать на приобретение различной продукции. Р.А. Медведев указал на запоздалый характер этой правительственной акции, так как вопрос о коренной корректировке цен рассматривался ещё четыре года назад, но в тот момент М.С. Горбачев и Н.И. Рыжков не решились на подобный шаг [Медведев, 2015. С. 283–285].

Как отмечали Н.Ф. Поляков и А.А. Панасенко, «павловская» реформа обычно представляется как «скоропалительное» решение нового премьер-министра, а населению она запомнилась, прежде всего, огромными очередями в пункты Сбербанка и потерей накоплений, которые люди не успели обменять в установленный срок. Между тем В.С. Павлов готовил комплексную реформу ценообразования, предусматривавшую упорядочение денежного обращения и поэтапную либерализацию цен. Его программа отражала убеждения большинства экономистов того времени, выступавших за регрессивный обмен с целью преодоления диспропорции между денежной массой и товарным предложением. В итоге правительству удалось сократить количество бумажных денег на 25% и на некоторое время сдержать рост инфляции. Однако в обстановке политической и экономической дезинтеграции эта мера не стала началом оздоровления финансов и выхода из кризиса. Более того, по словам авторов, «многие называют павловскую реформу точкой отсчёта, после которой произошла утрата доверия народа к государству, и начались смутные девяностые» [Поляков, Панасенко, 2017. С. 30, 31].

В новейшей коллективной монографии под редакцией М.Н. Конягиной отмечено, что денежная реформа 1991 г. носила конфискационный и «шоковый» характер, стала лейтмотивом будущей модели «шоковой терапии», применявшейся в дальнейшем при преобразовании народного хозяйства страны. Для устранения диспропорции между денежными и товарными массами В.С. Павлов предпочёл вариант сокращения избыточного количества банкнот путём их принудительного изъятия, а не поглощения за счет либерализации ценообразования или единовременной индексации цен. Авторы констатируют, что цель реформы не была достигнута, поскольку ограничение сумм обмена и заморозка депозитов не позволили продвинуться в решении основных проблем советской экономики. Не удалась и предпринятая атака на частные богатства, аккумулированные бурно развивавшимся кооперативным сектором. Попытка уравнивать сбережения рядовых граждан и крупных подпольных цеховиков имела лишь эпизодические успехи. «Теневики» заблаговременно диверсифицировали финансовые активы, вложившись в валюту и материальные ценности, раздробили крупные суммы на мелкие банковские вклады. Единственным положительным результатом инициативы В.С. Павлова авторы сочли «лишь получение опыта проведения масштабной реформы в очень сжатые сроки с акцентом на эффект неожиданности для населения, а также убедительную демонстрацию решительности настроения руководства страны в проведении институциональных реформ, ориентированных на переход к рыночной экономике» [Денежные реформы, 2022. С. 149–155].

Обзор мемуарных источников и научной литературы свидетельствует о значительном разбросе оценок деятельности В.С. Павлова в качестве премьер-министра. Одни авторы считали его типичным представителем высшей номенклатуры, тщетно пытавшимся спасти обречённый советский строй и распадающийся СССР, не понимавшим неизбежности перехода к рыночным отношениям, инициатором поспешных и непродуманных реформ в денежном обращении и ценообразовании, которые полностью провалились и лишь нанесли вред народному хозяйству. Другие признавали В.С. Павлова выдающимся учёным-экономистом и крупным государственным деятелем, выступавшим за эволюционное движение к рынку и утверждение государственно-частной экономики, противопоставляли премьер-министра сторонникам «шоковой терапии» и даже считали его курс последним шансом спасения страны от кризиса и развала. О различиях во мнениях свидетельствуют и приводимые авторами противоречивые цифровые данные о результатах денежной реформы: В.С. Павлов писал об изъятии трети денежной массы (34 млн руб.), Н.Ф. Поляков и А.А. Панасенко — 25%, А.Н. Илларионов — всего 7.8% (6.1 млрд руб.), а В.И. Щербаков утверждал, что через обмен не прошёл лишь 1 млрд руб. из находящихся в обращении около 250 млрд руб. Подобный разнобой является следствием слабой изученности темы и недостаточного знакомства с имеющимися статистическими материалами.

Между тем, по данным Госкомстата СССР, на конец 1990 г. в обращении находились 136.1 млрд руб., в том числе у населения — 132.7 млрд руб. [*Народное хозяйство СССР*, 1991. С. 28]. Однако почти все мемуаристы и исследователи сходились в том, что обмен крупных банкнот был организован неудовлетворительно и поколебал доверие населения к правительству, а резкое взвинчивание цен не привело к исчезновению «денежного навеса». Обе меры в условиях роста инфляции, товарного голода и усиления центробежных сил в Советском Союзе были запоздавшими паллиативами, которые уже не могли изменить ситуацию к лучшему. Тем не менее по-прежнему актуальным остаётся более глубокий анализ малоизученных в научной литературе теоретического наследия, антикризисной программы и разносторонней деятельности В.С. Павлова на постах министра финансов и главы правительства. Это позволит пересмотреть крайние точки зрения, ответить на вопрос о возможности альтернативы радикальным экономическим реформам 1990-х гг. и воссоздать более полную картину последних лет существования СССР.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеев М., Пачкалов А.В. (2019). Министры финансов: От Российской империи до наших дней. 2-е изд. — М.: Альпина Паблишер.
- Белоусов В.Д. (2009). Денежные реформы: историко-экономический и теоретический аспекты. — Самара: СГТУ.
- Белоусов В.Д., Бирюков В.А., Каширин В.В., Нестеров А.А. (2014). Российские денежные реформы. — М.: Дашков и К°.
- Бокарев Ю.П. (1994). Рубль на грани краха // *Русский рубль. Два века истории. XIX — XX вв.* — М.: Прогресс-Академия. С. 272–295.
- Бокарев Ю.П. (2011). Советские финансы и попытки реформирования социалистической экономики (50–90-е годы XX в.) // *История денежного обращения России: в 2 т.* — М.: ИНТЕРКРИМ-ПРЕСС. Т. 1: Деньги России с древнейших времен до наших дней. С. 393–418.
- Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР (1991). № 5.
- Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР (1991). № 13.
- Герашенко В.В. (2004). Хороший человек в плохие времена // *Аналитический банковский журнал.* № 7. С. 66–69.
- Глаголев В.С. (2005). Валентин Павлов. Последний премьер Советского Союза // *Российский кто есть кто.* № 4. С. 60–62.
- Глаголев В.С. (2017). О последних попытках удержать СССР от развала // *Экономист.* № 6. С. 87–93.
- Гойденко Ю.Н., Ксенофонтова Г.В. (2010). Денежное обращение: история и теория. — Хабаровск: РИЦ ХГАЭП.
- Горбачев М.С. (1995). Жизнь и реформы: в 2 кн. — М.: Новости. — Кн. 1.
- Денежная система России: становление через реформы (2022) / Под научн. ред. М.Н. Конягиной. — СПб.: ИПЦ СЗИУ РАНХиГС.
- Илларионов А.Н. (1995). Попытки проведения политики финансовой стабилизации в СССР и в России // *Вопросы экономики.* № 7. С. 4–37.
- Интервью Премьер-министра СССР В.С. Павлова. (1991) // *Труд.* 12 февраля.
- Кирсанов Р.Г. (2013). На пути к рынку: денежная реформа 1991 г. как попытка стабилизировать финансовую систему СССР // *Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4: История.* № 1(23). С. 137–142.
- Мау В.А. (1995). Экономика и власть: Политическая история экономической реформы в России. 1985–1994 гг. — М.: Дело.
- Медведев Р.А. (2015). Советский Союз. Последние годы жизни. — М.: Время.
- Народное хозяйство СССР в 1990 г. (1991): Стат. ежегодник. — М.: Финансы и статистика.
- Павлов В.С. (1995). Упущен ли шанс? Финансовый ключ к рынку. — М.: ТЕРРА.
- Павлов В.С. (2005). Верю в Россию. — М.: Экономическая газета.
- Поляков Н.Ф., Панасенко А.А. (2017). Денежная реформа 1991 года: обмен крупных купюр, потеря накоплений граждан // *Налоговая политика и практика.* № 7 (175). С. 30–31.
- Попов Г.Х. (2005). Валентин Павлов: три трагедии // *Вопросы экономики.* № 8. С. 139–144.
- Раевский В.А. (2013). На перекрёстке и до него. — М.: Экономическая летопись.
- Рыжков Н.И. (1995). Десять лет великих потрясений. — М.: Ассоциация «Книга. Просвещение. Милосердие». Собрание постановлений правительства СССР. (Отдел первый). 1991. № 8.

- Федоров Б.Г. (1999). 10 безумных лет. Почему в России не состоялись реформы. — М.: Коллекция «Совершенно секретно».
- Федоров Б.Г. (2004). Все министры финансов России и СССР. 1802–2004. — М.: Русское экономическое общество.
- Ханин Г.И. (2010). Экономическая история России в новейшее время: в 2 т. — Новосибирск: Издательство НГТУ. Т. 2: Экономика СССР и РСФСР в 1988–1991 годах.
- Щербаков В.И. (2016). Катастрофы могло и не быть. Гибель СССР: Взгляд изнутри последнего Союзного правительства. — М.: Экономическая газета.
- Якутин Ю.В. (2005). Премьер Павлов: семь месяцев и вся жизнь // Павлов В.С. Верю в Россию. — М.: Экономическая газета. С. 7–46.
- Яник А.А. (2012). История современной России: Истоки и уроки последней российской модернизации (1985–1999). — М.: Фонд современной истории; Издательство Московского университета.
- Hanson P. (2003). The Rise and Fall of the Soviet economy: an Economic History of the USSR from 1945. — London: Longman.

Степанов Валерий Леонидович

valerij-stepanov@mail.ru

Valerii Stepanov

doctor habilitatus in history, leading research fellow of the Institute of Economics, the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

valerij-stepanov@mail.ru

PRIME MINISTER V.S. PAVLOV AND THE MONETARY REFORM OF 1991: ASSESSMENTS AND JUDGMENTS

Abstract. The article provides an overview of memoir sources and scientific literature, which provide opinions on the monetary reform of 1991 and related measures undertaken by V.S. Pavlov, who served as Prime Minister of the USSR. A significant range of assessments and judgments was noted: some authors considered him a typical representative of the highest nomenclature, who tried in vain to save the doomed Soviet system and the disintegrating USSR, who did not understand the inevitability of the transition to market relations, the initiator of hasty and ill-conceived reforms in monetary circulation and pricing, which completely failed and only harmed the national economy; others recognized V.S. Pavlov, a prominent economist and an outstanding statesman who advocated an evolutionary movement towards the market and the establishment of a public-private economy, opposed the Prime minister to supporters of “shock therapy” and even considered his course the last chance to save the country from crisis and collapse. At the same time, attention is drawn to the coincidence of the points of view of memoirists and researchers that the exchange of large banknotes in the spring of 1991 it was organized unsatisfactorily and shook the confidence of the population in the government, and the sharp increase in prices that followed did not lead to the disappearance of the disproportion between the mass of paper money and the commodity supply. It is particularly emphasized that both measures in the conditions of falling production, rising inflation, empty store shelves and the strengthening of centrifugal forces in the Soviet Union were belated palliatives that could no longer change the situation for the better. It is concluded that, nevertheless, a more in-depth analysis of the theoretical heritage, the anti-crisis program and the versatile activities of V.S. Pavlov in the positions of Finance Minister and head of government remains relevant, because it allows us to reconsider extreme points of view, to answer the question of the possibility of an alternative to the radical economic reforms of the 1990s and recreate a more complete picture of the last years of the USSR.

Keywords: *economic history of the USSR, crisis, finance, emission, inflation, monetary reform, pricing.*

JEL: G28; N24; P21; P34.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Степанов В.Л. Премьер-министр В.С. Павлов и денежная реформа 1991 г.: оценки и суждения // Вопросы теоретической экономики. 2022. №4. С. 164–176. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2022_4_164_176.

FOR CITATION: Stepanov V. Prime Minister V.S. Pavlov and the Monetary Reform of 1991: Assessments and Judgments // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2022. No. 4. Pp. 164–176. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2022_4_164_176.

REFERENCES

- Alekseev M.Iu., Pachkalov A.V. (2019). *Ministry finansov: Ot Rossiiskoi imperii do nashikh dnei*. [Finance Ministers: From the Russian Empire to the present day]. 2-e izd. — M.: Al'pina Publisher, 2019. (In Russ.).
- Belousov V.D. (2009). *Denezhnye reformy: istoriko-ekonomicheskii i teoreticheskii aspekty*. [Monetary reforms: historical, economic and theoretical aspects]. — Samara: SGTU. (In Russ.).
- Belousov V.D., Biriukov V.A., Kashirin V.V., Nesterov A.A. (2014). *Rossiiskie denezhnye reformy*. [Russian Monetary Reforms]. — M.: Dashkov i K°. (In Russ.).
- Bokarev Iu.P. (1994). Rubl' na grani krakha [The ruble is on the verge of collapse] // *Russkii rubl'. Dva veka istorii. XIX — XX vv.* — M.: Progress-Akademiia. Pp. 272–295. (In Russ.).
- Bokarev Iu.P. (2011). Sovetskie finansy i popytki reformirovaniia sotsialisticheskoi ekonomiki (50–90-e gody XX v.) [Soviet finance and attempts to reform the socialist economy (50–90-ies of XX century)] // *Istoriia denezhnogo obrashcheniia Rossii: v 2 t.* — M.: INTERKRIM-PRESS. — T. 1: Den'gi Rossii s drevneishikh vremen do nashikh dnei. Pp. 393–418. (In Russ.).
- Denezhnaia sistema Rossii: stanovlenie cherez reform.* (2022). [The monetary system of Russia: becoming through reforms] / pod nauchn. red. M.N. Koniagini. — SPb.: IPTs SZIU RANKhiGS. (In Russ.).
- Fedorov B.G. (1999). *10 bezumnykh let. Pochemu v Rossii ne sostoialis' reformy*. [10 crazy years. Why didn't reforms take place in Russia]. — M.: Kolleksiia «Sovershenno sekretno». (In Russ.).
- Fedorov B.G. (2004). *Vse ministry finansov Rossii i SSSR. 1802–2004*. [All Finance Ministers of Russia and the USSR. 1802–2004]. — M.: Russkoe ekonomicheskoe obshchestvo. (In Russ.).
- Gerashchenko V.V. (2004). Khoroshii chelovek v plokhie vremena. [A good man in bad times] // *Analiticheskii bankovskii zhurnal*. № 7. Pp. 66–69. (In Russ.).
- Glagolev V.S. (2005). Valentin Pavlov. Poslednii prem'er Sovetskogo Soiuz. [Valentin Pavlov. The last Prime Minister of the Soviet Union] // *Rossiiskii kto est' kto*. № 4. S. 60–62. (In Russ.).
- Glagolev V.S. (2017). O poslednikh popytках uderzhat' SSSR ot razvala. [About the latest attempts to keep the USSR from collapse] // *Ekonomist*. № 6. Pp. 87–93. (In Russ.).
- Goidenko Iu.N., Ksenofontova G.V. (2010). *Denezhnoe obrashchenie: istoriia i teoriia*. [Monetary circulation: history and theory]. — Khabarovsk: RITs KhGAEP. (In Russ.).
- Gorbachev M.S. (1995). *Zhizn' i reform*. [Life and reforms]: v 2 kn. — M.: Novosti. — Kn. 1. (In Russ.).
- Hanson P. (2003). *The Rise and Fall of the Soviet economy: an Economic History of the USSR from 1945*. — London: Longman.
- Iakutin Iu.V. (2005). Prem'er Pavlov: sem' mesiatsev i vsia zhizn'. [Premier Pavlov: seven months and a lifetime] // *Pavlov V.S. Veriu v Rossiuu*. — M.: Ekonomicheskaiia gazeta. Pp. 7–46. (In Russ.).
- Ianik A.A. (2012). *Istoriia sovremennoi Rossii: Istoki i uroki poslednei rossiiskoi modernizatsii (1985–1999)*. [The History of Modern Russia: The Origins and Lessons of the Last Russian Modernization (1985–1999)]. — M.: Fond sovremennoi istorii; Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. (In Russ.).
- Illarionov A.N. (1995). Popytki provedeniia politiki finansovoi stabilizatsii v SSSR i v Rossii. [Attempts to implement a policy of financial stabilization in the USSR and in Russia] // *Voprosy ekonomiki*. № 7. Pp. 4–37. (In Russ.).
- Interv'iu Prem'er-ministra SSSR V.S. Pavlova. (1991). [Interview with the Prime Minister of the USSR V.S. Pavlov] // *Trud*. 12 fevralia. (In Russ.).
- Khanin G.I. (2010). *Ekonomicheskaiia istoriia Rossii v noveishee vremia*. [The Economic History of Russia in modern times]: v 2 t. — Novosibirsk: Izdatel'stvo NGTU. T. 2: Ekonomika SSSR i RSFSR v 1988–1991 godakh. (In Russ.).
- Kirsanov R.G. (2013). Na puti k rynku: denezhnaia reforma 1991 g. kak popytka stabilizirovat' finansovuiu sistemuu SSSR. [On the way to the market: monetary reform of 1991 as an attempt to stabilize the financial system of the USSR] // *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta*. Serii 4: Istoriia. № 1 (23). Pp. 137–142. (In Russ.).
- Mau V.A. (1995). *Ekonomika i vlast': Politicheskaiia istoriia ekonomicheskoi reformy v Rossii. 1985–1994 gg.* [Economics and Power: The Political History of Economic Reform in Russia. 1985–1994]. — M.: Delo. (In Russ.).
- Medvedev R.A. (2015). *Sovetskii soiuz. Poslednie gody zhizni*. [The Soviet Union. Last years of life]. — M.: Vremia. (In Russ.).
- Narodnoe khoziaistvo SSSR v 1990 g.* (1991): Stat. ezhegodnik. [The national economy of the USSR in 1990. Statistical Yearbook]. — M.: Finansy i statistika. (In Russ.).
- Pavlov V.S. (1995). *Upushchen li shans? Finansovyi kliuch k rynku*. [Is the chance missed? The financial key to the market]. — M.: TERRA. (In Russ.).
- Pavlov V.S. (2005). *Veriu v Rossiuu*. [I believe in Russia]. — M.: Ekonomicheskaiia gazeta. (In Russ.).
- Poliakov N.F., Panasenko A.A. (2017). Denezhnaia reforma 1991 goda: obmen krupnykh kupiur, poteria nakoplenii grazhdan. [Monetary reform of 1991: exchange of large bills, loss of savings of citizens] // *Nalogoivaia politika i praktika*. № 7 (175). S. 30–31. (In Russ.).
- Popov G.Kh. (2005). Valentin Pavlov: tri tragedii. [Valentin Pavlov: Three tragedies] // *Voprosy ekonomiki*. № 8. S. 139–144. (In Russ.).

- Raevskii V.A. (2013). *Na perekrestke i do nego*. [At and before the intersection]. — M.: Ekonomicheskaiia letopis' (In Russ.).
- Ryzhkov N.I. (1995). *Desiat' let velikikh potriasenii*. [Ten years of great upheavals]. — M.: Assotsiatsiia «Kniga. Prosveshchenie. Miloserdie». (In Russ.).
- Shcherbakov V.I. (2016). *Katastrofy moglo i ne byt'. Gibel' SSSR: Vzgliad iznutri poslednego Soiuznogo pravitel'stva*. [The catastrophe might not have happened. The Death of the USSR: A look from inside the last Union Government]. — M.: Ekonomicheskaiia gazeta. (In Russ.).
- Sobranie postanovlenii pravitel'stva SSSR. (Otdel pervyi)*. (1991). [Collection of resolutions of the Government of the USSR. (Department one)]. № 8. (In Russ.).
- Vedomosti S'ezda narodnykh deputatov SSSR i Verkhovnogo Soveta SSSR*. (1991). [Vedomosti of the Congress of People's Deputies of the USSR and the Supreme Soviet of the USSR]. № 5. (In Russ.).
- Vedomosti S'ezda narodnykh deputatov SSSR i Verkhovnogo Soveta SSSR*. (1991). [Vedomosti of the Congress of People's Deputies of the USSR and the Supreme Soviet of the USSR]. № 13. (In Russ.).